

Abstract

A. V. Kustov,
Yu. A. Aliksieieva,
*National Pedagogical Dragomanov
University, 9, Pirohova st, Kyiv,
01601, Ukraine;*
*Sumy State University, 2,
Rymskogo-Korsakova st., 40007
Sumy, Ukraine*

**THE NATURE OF DELUSIONS AND THE MECHANISMS OF
DELUSION FORMATION**

Despite the fact that the clinic of delusional disorders is known, described, studied from different perspectives, their nature is still an unexplored area of psychiatry. It is not clear what psychological processes and mechanisms are involved in the formation of delusions, what mental material forms the basis for its clinical diversity, why delusions, despite the existential differences in people's lives, have the stable forms and a stereotypically repeating semantic structure. Biologically oriented medicine does not provide answers to these questions.

Therefore, the aim of this publication was to create a model in which, by analyzing, comparing, generalizing the positions of individual concepts recognized in psychology, one could find answers to emerging questions, try to discover the nature of delusions, understand the processes and mechanisms underlying in its formation and identify those links that will help to optimize the processes of therapy and reveal the possibilities of psychocorrection.

For this purpose, certain provisions of the theory of K. Jung on the collective unconscious and archetypes, which are actively developed in archetypal psychology, were used. To understand the basis on which archetypal concepts and images are structured, the principles and laws that are the basis of Gestalt psychology were involved. Convenient conceptual elements became firstly developed in psychoanalysis, and then in general psychology the notions of projection and reflection, which are traditionally considered separately. From our point of view, projection and reflection are a single mechanism based on the universal principle of the continuum, which underlies in the organization of virtually all dynamic interactions of mental activity. Thus, the delusional states are a complexly organized form of pathology, which is well revealed first of all from the positions of the regularities already studied and known in psychology. Analyzing these processes, we came to the conclusion that the recognized positive effect of neuroleptic and anxiolytic drugs in delirious therapy can be studied using psychological criteria for treatment of pathology. Another important conceptual point. The study of pathology can be the key to understanding some important aspects of the normal functioning of the psyche. Such a problem is the pathology of faith and its destructive form, which is an important pathogenetic link in the formation of delusional states.

Keywords: archetypes, concepts, gestalt, projection, reflection, destructive faith.

Corresponding author: arkkustov@gmail.com

Резюме

А. В. Кустов,
Ю. А. Алексеева,
Сумський державний університет, вул. Римського-Корсакова, 2, м. Суми, Україна, 40007;
Національний педуніверситет ім. М. П. Драгоманова, вул. Пирогова, 9, м. Київ, Україна, 01601

ПРИРОДА МАРЕННЯ І МЕХАНІЗМІВ МАРЕВОТВОРЕННЯ

У публікації на підставі аналізу, порівняння та узагальнень окремих положень відомих психологічних напрямків (вчення К. Г. Юнга про колективне несвідоме і архетипи, архетипічної психології, гештальтпсихології, психоаналізу і ін.) запропонована концепція, в якій реалізована спроба розкриття природи маячних станів, а також процесів і механізмів, що лежать в основі статичної і динамічної маревотворення. Виділено їх основні ланки, які можуть допомогти в складанні плану оптимізації процесу терапії даної патології. Зроблено акцент на питаннях, які раніше не розглядалися в клінічній психіатрії, зокрема на необхідності вивчення віри як системоутворюючого фактора психічної діяльності.

Ключові слова: архетипи, концепти, гештальт, проекція, рефлексія, деструктивна віра.

Резюме

А. В. Кустов,
Ю. А. Алексеева,
Сумський державний університет, вул. Римського-Корсакова, 2, м. Суми, Україна, 40007;
Національний педуніверситет ім. М. П. Драгоманова, вул. Пирогова, 9, м. Київ, Україна, 01601

ПРИРОДА БРЕДА И МЕХАНИЗМОВ БРЕДООБРАЗОВАНИЯ

Известно, что больные с бредовыми нарушениями являются частыми клиентами психиатрических отделений. Структура бреда, его клиника, нозологическая принадлежность в целом хорошо известны и описаны в соответствующих учебниках, руководствах и монографиях, поэтому у врачей, как правило, не возникают трудности его диагностики, оценки динамических сдвигов, назначения соответствующей терапии. Правильно подобранные нейролептические и другие психотропные препараты со временем разрушают структуру бреда и делают больного свободным от нелепых, нередко опасных, доминирующих в сознании представлений, оторванных от реальности и противоречащих критериям достоверной картины действительности.

Однако главный вопрос, который выражается в понимании природы бреда и бредообразования, остается открытым: какие психологические процессы и механизмы участвуют в формировании содержания картины бреда, на основе какого психического материала возникает почва для его клинического разнообразия и почему у большинства людей возникают похожие формы бреда, несмотря на то, что они живут или проживали в разное время, отличаются по полу, этническим, культурным и прочим особенностям.

Современные психотропные препараты позволяют удачно купировать бредовые расстройства, что объясняется их исключительно биологическими механизмами, а клинические эффекты выражаются в соответствующих понятийных комплексах. Другими словами, психические составляющие бреда интерпретируются в биологических понятиях и терминах, что является методологически некорректным. Эти и множество других вопросов заставляют искать ответы, используя материал не только клинической психиатрии и концепций, существующих в области нейронаук, но и других, в том числе развивающихся психологических направлений. В частности, в области пока не существующей науки о вере (фидемологии) в широком психологическом и системно организующем смысле, хотя уже сейчас можно счи-

тать, что это направление является фундаментальной глубинной и одновременно вершинной концептуальной составляющей психологии, за которой большое будущее.

Ключевые слова: архетипы, концепты, гештальты, проекция, рефлексия, деструктивная вера.

Автор, відповідальний за листування: arkkustov@gmail.com

Введение

Согласно традиционным представлениям о природе бреда, в его возникновении и формировании принимают участие многие звенья психической деятельности разных уровней. Авторами подчеркивается, что в основе бредообразования лежат расстройства сенсорной и перцептивной сферы. Например, доминирование в сознании пациента кинестетического компонента в форме патологических ощущений может привести к актуализации ипохондрической фабулы бреда, которая может развиваться либо самостоятельно, либо сочетаться с бредом воздействия или преследования. Источником бредовых переживаний могут быть галлюцинации, и эта связь может быть прямой, когда содержание галлюцинаций совпадает с бредовой фабулой, а также не прямой или отсутствующей. В первом случае на основе паралогических рассуждений больной приспособливает содержание галлюцинаций к возникшим бредовым идеям. В некоторых случаях связь между галлюцинациями и бредовыми переживаниями в клинике может отсутствовать.

На формирование бреда и поведение больных влияют расстройства аффективной сферы, нередко искажающие процессы мышления и воображения. Так страх, как общий аффективный компонент психозов, может стать источником персекуторной фабулы бреда. Многочисленные оттенки страха и тревоги, проявляющиеся в форме недоверия, опасений, подозрительности, тревожных предчувствий могут выступать источниками различных бредовых переживаний на этапах предвестников и кристаллизации бреда. Экзальтированность и враждебность лежат в основе бредовых идей величия, могущества, богатства. Депрессивные переживания порождают и сопровождают идеи вины, греховности, самоуничижения, мысли и готовность к суицидальному поведению [1].

Важнейшим условием возникновения и формирования бреда является патология когнитивных функций, в частности мышления и воображения. Их расстройства являются не только

обязательным условием возникновения бреда, но и влияют на характеристики некоторых параметров бреда, таких, как степень его реалистичности, уровень систематизации. Традиционное деление бреда на первичный и вторичный определяется соотношением активности механизмов когнитивного и чувственного познания действительности. Базисом первичного бреда является паралогическое мышление, что приводит к неадекватной «расшифровке» происходящих событий, искаженному объяснению поведения людей, их намерений, переживаний, значимости и смысла окружающих предметов. Вторичный бред, в основе которого преобладают расстройства функций чувственного познания (иллюзии, галлюцинации, расстройства аффективной сферы, воображения), отражается в нестойкости бредовых идей, изменчивости фабулы, затруднении процесса его систематизации. По мере усиления нарушений когнитивных функций (например, при разорванном, инкогерентном мышлении, снижении уровня интеллекта) бред теряет стройность и становится нелепым [2; 3].

Личность, влияние которой реализуется на различных уровнях, является главным регулятором и модификатором поведения. Это комплекс типологических свойств (подвижность психических процессов: ригидность или флесибильность мыслительной, моторной и мотивационной деятельности; уровень тревожности; устойчивость векторной активности психической организации и регуляции поведения в форме экстраверсии или интроверсии; экстра – или интропунитивность и пр.), которые формируют стиль поведения, в том числе его экспрессивной составляющей. Личность – это также система аксиоперсональных отношений, лежащих в основе формирующегося и сформированного характера. Личность ярко проявляется в системно организованном комплексе «Я». В связи с этим клиника бреда может поддерживаться и окрашиваться такими преморбидными личностными отклонениями, как параноический или эпилептоидный личностные радикалы, эгоцентризм,

болезненное самолюбие и переоценка своих возможностей, ригидность в форме выраженного упрямства, патологической активности и целеустремленности, стойкости аффектов, злопаятности и пр. Возникающие у бредового больного переживания нередко детерминированы его личностными комплексами (например, переживаниями неполноценности каких – то физических или психических качеств, приписыванием себе отношения неприятия со стороны окружающих, болезненным чувством униженности и оскорбленности, и пр.). Бредовое состояние может поддерживаться гиперрефлексией социальных отношений, выражающихся в недоверчивости, подозрительности, повышенной ранимости, постоянной готовности к оборонительно-агрессивным реакциям, блокировании компенсирующей функции чувства юмора и т.д.

Несомненно, важнейшей областью регуляции психики и поведения человека является сознание, интегрированное со сложно организованными процессами и механизмами бессознательного. Из клинической практики известно, что бредовые синдромы могут быть связаны с состояниями помраченного сознания (например, при шизофрении, острых отравлениях, черепно-мозговых травмах, других соматогениях), и закономерности этих взаимосвязей тоже описаны. Встречается прямая зависимость между возникновением бредового расстройства и нарушениями сознания, бред возникает одновременно с помрачением сознания и его дальнейшее развитие зависит от интенсивности помрачения сознания. Восстановление сознания сопровождается редукцией бреда и появлением критики. Расстройство сознания может служить триггером бредового состояния и его пролонгации. В таких случаях после восстановления сознания бред может становиться стойким и самостоятельным элементом психоза. Наконец расстройство сознания может создавать условия для возникновения новой фабулы и элементов бреда, включенных в содержание переживаний больного. Связь бреда с бессознательным имеет более стойкие и глубинные корни, на чем мы частично остановимся позже [4].

Рассмотренные выше условия и факторы бредообразования отмечены разными авторами и являются отражением традиционного общепризнанного клинического представления о природе бреда. Без адекватного понимания того, какой психический материал является источником бредовых идей, почему эти идеи

устойчивы и повторяются у людей, независимо от возраста, пола, этнической принадлежности, культурного окружения, исторического времени проживания, трудно понять базовые механизмы их происхождения. Кроме того, бросается в глаза их тематическое и структурное сходство, что заставило нас предположить, что материал, являющийся базисом для формирования бреда, носит универсальный характер. Многие варианты фабулы бреда, выделенные и описанные психиатрами около 200 лет назад, сохраняются до сих пор, наполняясь различным содержанием, определяемым личным опытом больного и ментальностью общества того исторического периода, в котором он живет. Кроме того, в бредовых идеях пациентов нередко не отражаются особенности их личностного преморбиды, а также реальные стремления и опасения. Почему, например, человек, заметно не стремившийся к превосходству и самоутверждению в обыденной жизни, в психотическом состоянии демонстрирует идеи величия, могущества или богатства, а пациент, ранее не придававший значения разговорам о колдовстве и порче, начинает активно продуцировать идеи одержимости и околдовывания?

Цель публикации состоит в том, чтобы используя (анализируя, сравнивая, обобщая) отдельные положения уже известных и признанных в психологии концепций, найти ответы на поставленные вопросы, попытаться раскрыть природу бреда, понять механизмы и процессы, лежащие в основе статичности и динамики бредообразования, выделить те звенья, которые помогут оптимизировать процессы терапии данной патологии. Пришло время «собирать камни», разбросанные различными авторами в разное время, которые, не подозревая того, могут внести ценный вклад в изучение данной проблемы. Обобщения и идеи, изложенные в материале данной публикации, по нашему мнению, следует рассматривать как модель представлений для дальнейшего исследования природы бреда и механизмов его формирования. Психология при этом является своеобразным «клондайком», базисом концепций, способных помочь психиатрии в решении множества теоретических и практических проблем. И не только в понимании природы бреда.

С нашей точки зрения, наиболее адекватной концепцией, способной ответить на эти вопросы, является теория архетипов и коллективного бессознательного К. Г. Юнга, который считал,

что последние включают свойства всего человечества как некоего целого. Согласно взглядам Юнга и сторонников архетипической психологии бессознательное, являющееся резервуаром прошлого личности, включает в себя как личный, так и коллективный опыт. При этом личное бессознательное состоит из подавленных воспоминаний, основанных на отвергаемом личностью психическом материале. Коллективное бессознательное, согласно Юнгу, — это то психологическое наследие, которое, как и биологический опыт, являясь продуктом эволюции человеческой истории, уже с раннего возраста содержится в психике [5]. Несмотря на это спорное утверждение (наследственным или приобретенным является содержание коллективного бессознательного), мы согласны с тем, что коллективные идеи и образы составляют часть индивидуального бессознательного.

Основой бессознательного, его более ранним и устойчивым слоем, являются архетипы, которые представляют собой материал, выраженный в образно – символической форме, концептуальная основа которого отражает модели поведения специфических базовых фигур, существующих в социальной и духовной жизни. В индивидуальном сознании они представлены в форме коллективных универсальных паттернов (схем) поведенческой активности, являющихся обобщенным содержанием мифологических сюжетов, легенд и сказок. Кроме того, архетипы – это собирательные модели поведения не только мифологических, но и исторических персонажей, которые являются абстрактными и персонифицированными эталонами экзистенциальных ценностей и антиценностей.

К. Юнг и его последователи, сторонники архетипической психологии, выделяют несколько вариантов архетипов: «Героя», «Трикстера» (плута и злодея), «Сенекса» (мудрого старца), «Великой матери», «Вечной юности» (пуэра и пуэзлы), «Мана – личности» (магического и сверхъестественного), «Самости» (личностной целостности), «Персоны» (представляемого «Я») и «Тени» (чего-то отвергаемого личностью в себе) [6; 7; 8; 9; 10;]. Этот список конечно же можно расширить, т.к. количество персонифицированных ценностей и символических фигур, влияющих на нашу сознательную и подсознательную жизнь значительно больше. Это нередко представленные в дихотомической форме образы и концепты Бога–Дьявола, Жизни–Смерти, Рождения–Апокалипсиса, Добра–Зла, и пр.

Согласно нашим представлениям, основываясь на описательно – функциональном подходе, бред представляет собой психопатологическую структуру, возникающую вследствие дезинтеграции защитных, репрессивных механизмов контроля и рефлексии, высвобождения и проективного «всплеска» материала глубинных слоев бессознательного, чем и являются архетипические фигуры и многочисленные комплексы личности. Соотнесение уже известных характеристик некоторых архетипов коллективного бессознательного с фабулой и содержанием бредовых идей позволило предложить новую (архетипическую) систематику бредовых состояний. Позже мы остановимся на вопросе об общих положениях структурной организации архетипов, используя для этого принципы гештальтпсихологии.

«Герой». Культурному герою, встречающемуся в мифологии всех народов мира, свойственны специфические свойства, цели и определенный образ жизни. В большинстве мифологий культурный герой — это полубог-получеловек, который иногда не знает своего отца, воспитывается матерью и в юности имеет склонности к нарушению запретов. Он обладает героическим характером – смелостью, самоуверенностью, сильной волей, стремлением к преодолению демонических противников (коварных духов, сил зла), отправляется на поиски, совершая подвиги (ценой невероятных усилий побеждает чудовищ, добывает необыкновенные сокровища и волшебные вещи, приносит людям эликсир жизни, золотое яйцо и пр.), при этом проходит через многочисленные драматические ситуации. Герой часто преодолевает страдания, трудности и препятствия, получая вознаграждение, известность и славу нередко уже после смерти.

Архетип «героя» отражается в экспансивных формах бреда, проявляющихся в резкой трансформации личности и искажениях в структуре «Я». Больные приписывают себе свойства, которые не соответствуют их образованию, статусу, интеллектуальным, физическим и духовным возможностям. Они заявляют о своих необыкновенных способностях к телепатии, ясновидению, считают себя изобретателями космических аппаратов и супероружия, «летописцами всемирной истории», духовными вождями, реформаторами и пр. По существу, это группа интропективных форм бреда, которые возникают в связи со стойкой тотальной идентификаци-

ей больного с какими-то аспектами архетипа «героя». Учитывая, что клиника этих форм описана и известна, мы лишь перечислим те формы, в основе которых, с нашей точки зрения, лежит архетип «героя»: бред величия, богатства, изобретательства, реформаторства, высокого происхождения, мессианства, мегаломанический бред.

«Трикстер» – архетипическая фигура, включающая комплекс таких свойств как плут и озорник, шут и безумец, существо, склонное к притворству, прибегающее для достижения успеха к хитрым и коварным действиям, нарушениям табу и общественных норм. Кроме того, у трикстера отмечаются такие черты, как жестокость, циничность, бесчувственность, прожорливость и похотливость. Фактически «трикстер» — это олицетворение зла, хитрости и коварства, действия которого иногда могут приобретать относительно безобидные, унижающие и позорящие больного формы, хотя чаще его действия мотивированы агрессивными намерениями. Проекция («освобождение») «трикстера», приписывание его свойств окружающим в клинической практике отражается в многочисленных вариациях бреда инсценировки, преследования, малого масштаба (кухонного бреда), ложного узнавания Капгра.

«Тень» – архетипическая форма, состоящая из материала, подавленного сознанием субъекта. Ее содержание включает тенденции, желания, воспоминания и опыт, которые несовместимы с «персоной» и противоречат социальным нормам и идеалам личности. «Тень» является резервуаром комплексов личности, которые определяют влечение к власти, болезненное честолюбие, сексуальные табуированные тенденции и фантазии, вызывающие чувства вины, стыда, раскаяния, от которых она стремится избавиться. К бредовым состояниям, основанным на архетипе «тени» и его многочисленных комплексах, можно отнести следующие: бред обвинения, невиновности и помилования, самообвинения и греховности, эротического презрения и преследования, бред ревности и обнищания.

«Мана-личность» – персонифицированный архетипический образ сверхъестественной силы. В мифологиях различных культур он обозначает приблизительно одно и то же. Маланезийское слово *мана* обозначает колдовские и нуминозные качества у богов или священных объектов. В кельтской мифологии *мананнан* — это владыка потустороннего мира на острове

блаженных, который описывается как всадник, скачущий по морю или едущий по нему на колеснице. Мана-личность воплощает в себе магическую силу, которая проявляется в действиях священника, мага, колдуна, управителя людей и духов, целителя, святого, героя, лидера, и может нести как положительный, так и отрицательный заряд. К бредовым состояниям, возникшим на основе архетипа мана-личности, можно отнести архаические формы бреда – состояния, в формировании которых участвуют суеверия, магические представления и религиозные верования: мистический бред, бред одержимости, воздействия.

«Самость». К. Юнг называл самость главным архетипом психики человека, отражающим целостность личности, единство сознательного и бессознательного. Субъективно самость выражается в переживании целостности и тождественности, включая соматические процессы, тело и его части, психику и ее компоненты. Она также является источником символов и образов целостности [11].

Мы рассматриваем самость как совокупность диспозиций к определенным сторонам собственной личности, каждая из которых сопровождается специфическим комплексом ощущений, представлений, концептов и эмоций. Примером личностных диспозиций могут служить такие, как «мое здоровье», «моя внешность», «мой интеллект», «мой духовный багаж», «моя сексуальность», «моя привлекательность» и т.д. В патологии, как нам кажется, возникает дезинтеграция каких-то частей самости и доминирование одной из них, которая и определяет фабулу бреда. Процессы и механизмы, лежащие в основе патологии самости, мы назвали фрагментацией, редупликацией и трансформацией.

Фрагментация – процесс «дробления» самости на отдельные части и доминирования в сознании больного одного из ее инверсионных фрагментов (например, в диспозиции «мое здоровье» одна ее часть «я абсолютно здоров» имеет инверсионный полюс «я тяжело болен», а диспозиция, отражающая в самости отношение к своей внешности, включает такую инверсионную форму, как «я урод»). Такая форма патологии самости находит отражение в ипохондрической и дисморфоманической фабуле бреда.

Редупликация – умножение (удвоение, утроение), «клонирование» каких-то частей самости, сопровождающееся их проекцией вовне. Этот механизм, лежащий в основе патологии само-

сти, с нашей точки зрения, проявляется в формировании такого бредового состояния, как *бред двойника или двойников*.

Трансформация самости – процесс временной замены самости индивида самостью другого существа. Клинической моделью данного вида патологии, позволяющей исследовать еще более грубые нарушения структуры самости, может служить бред метаморфозы (метаболические или зооантропические формы бреда). Индивидуальная самость больного на время как бы заменяется другой сущностью, не соответствующей прежней личностной структуре.

Изложенное выше основывается на описательных и функциональных характеристиках архетипов, которые при определенных условиях являются базисом формирования бредовых концептов. Выяснение условий бредообразования – отдельный вопрос, который будет рассмотрен ниже. В данном случае более актуальна проблема структуры архетипов с точки зрения уже существующих психологических концепций. Другими словами, какие научные концепции могут помочь в изучении архетипов, чтобы понять их природу и в дальнейшем разрабатывать пути и механизмы купирования бредовых состояний? С нашей точки зрения более адекватной моделью изучения природы архетипов является гештальтпсихология, о которой один из ее основателей М. Вертгеймер писал следующее: "Есть сложноорганизованные структуры, целостные свойства которых невозможно вывести из свойств их отдельных составляющих и где, наоборот, изменения какой-либо части целого обусловлены внутренними законами этой целостной структуры. Структурная психология (гештальтпсихология) является именно этим". Главная идея гештальтпсихологии состоит в том, что в основе организации психики лежат не отдельные элементы сознания или мышления, а гештальты – целостные структуры и их связи, изучением которых и следует заниматься психологии и психиатрии [12].

Для описания совокупности переживаемых субъектом явлений в данный момент времени в гештальтпсихологии был введен термин феноменальное поле, основные компоненты которого обозначены как фигура и фон. *Фигура* – это то, что в сознании индивида проявляется наполненным и отчетливым смыслом, а *фон* – нечто, воспринимаемое им смутно и неосознанно. В дальнейшем фигура и фон могут неоднократно меняться местами. В данной концепции

(гештальтпсихологии) выделены важные законы и принципы, отражающие особые формы восприятия и пути структурирования действительности, свойственные человеческой психике. В соответствии с данной теорией, целостность, константность, упорядоченность восприятия достигается благодаря принципам, которые имеют такие названия, как: близость, схожесть, целостность, замкнутость, смежность, общая зона.

С нашей точки зрения, концептуальные комплексы, интегрированные на основе семантически близких связей и составляющие основу архетипов, являются по своей природе гештальтами. Поэтому картину внешнего и внутреннего мира, где главным инструментом их структурирования является вера, можно представлять в форме различных исторически и ментально детерминированных в данный момент *гештальтных ансамблей*, существующих в общественном сознании, коллективном бессознательном и индивидуальной психике [13;14].

Рассмотрим отдельные принципы восприятия, выделенные в гештальтпсихологии, на примере концептов, лежащих в основе известных нам архетипов. Удобнее для этого использовать модель поведения архетипа «Трикстера», наиболее часто встречающегося в социальной и личной жизни людей. Трикстер в обобщенной, концентрированной и максимально идеализированной форме – символ Зла, у которого в разной степени постоянно отмечаются склонности к хитрости, обману, коварству, мошенничеству, умение искусно манипулировать людьми для достижения меркантильных и эгоистических целей, демонстрации своего превосходства или пренебрежения их ценностями. Являясь хорошими манипуляторами, прикрываясь разнообразными социально одобряемыми и искусно демонстрируемыми масками, они легко внушают другим веру в свою честность, порядочность, открытость, искренность, преследуя при этом свои эгоистические и коварные цели. Вне бредовой структуры Трикстер может стать основой формирующегося комплекса, постепенно деформирующего структуру личности, у которой ранее не отмечались признаки дисгармонии. И тому немало примеров, когда в целом адекватный, воспитанный человек, старающийся соблюдать этические нормы и правила, постепенно становится персонифицированным примером нравственного уродства. Если этот процесс не остановить, происходит прогрессирующая *трикстеризация личности*. В психиатрии и

психологии эти процессы отражены в таких понятиях, как криминальное развитие личности, психопатии, замененные в последние годы на аморфное словосочетание «расстройства личности». С нашей точки зрения более точными можно считать такие понятия, как аконсциентная личность, аконсциентное поведение, аконсциентная мотивация. Еще в начале девятнадцатого века английский врач Джеймс Причард выделил особую группу пациентов, главный психический дефект которых заключался в недоразвитии их совести и нравственных чувств. Позже это личностное искажение называли по-разному: моральная олигофрения, моральное помешательство, бред поступков, психопатия, и формирование этого учения до сих пор не закончено. С нашей точки зрения, сочетание слов *аконсциентная личность*, которое происходит от латинского слова «conscientia» – совесть, означает «личность, лишенная совести», что как раз соответствует первоначальному смыслу.

Личные комплексы и архетипы, врожденные или интериоризирующиеся с раннего возраста, представляют собой взаимопроникающие слои бессознательного материала в индивидуальной психике. В связи этим содержание бредовых идей может включать в себя материал, как архетипов, так и созвучных с ними переживаний индивидуальных комплексов.

В отличие от личных комплексов, архетипы – это целостные фигуры, так или иначе связанные с концептами других архетипов, специфически окрашивающих клиническую картину бредовых состояний. Например, архетип «Трикстера» нередко сочетается с архетипами «Мана – личности», архетипом «Персоны», где объединяющими ассоциациями является проекция атрибутов аконсциентного поведения во внешний или внутренний мир больного. Целостность восприятия и его упорядоченность достигается благодаря описанным в гештальтпсихологии принципам, кратко представленным в данной публикации. *Близость* – концепты архетипов, расположенные рядом, имеют тенденцию восприниматься вместе. *Схожесть* – информация, заложенная в каждом специфическом концепте, имеет и общие звенья, объединяющие его в единое целое. *Целостность* – восприятие имеет тенденцию к интегрированию рядом находящихся объектов и их образов. *Замкнутость* – тенденция завершать фигуру таким образом, чтобы она могла приобретать пол-

ную форму, что выражено во взаимопроникновении информации, заложенной в концептах архетипов. *Смежность* – близость информации во времени и пространстве, где каждый концепт архетипа вызывает ассоциации, резонирующие с содержанием концепта другого архетипа. *Принцип хорошей формы* – в сознании субъекта менее организованная форма гештальта (концепта) вытесняется более организованной формой. *Принцип Pregnantности (равновесия)* заключается в том, что психика и её ценностное содержание (в том числе концепты или гештальтные комплексы архетипов) в привычных условиях стремятся к максимальному состоянию стабильности. *Общая зона* – не только принципы гештальта формируют повседневное восприятие, в этом участвуют также продукты индивидуального научения и прошлого опыта. Это означает, что наряду с концептами архетипов, в сознании содержатся и другие позиции личности, основанные на знаниях, жизненном опыте, склонностях и интересах, иерархии ценностных объектов и соответствующей системе отношений к ним [15].

Динамика психической активности включает в себя комплексы системно организованных механизмов, обеспечивающих организацию и регуляцию взаимодействия психических процессов на разных уровнях. Одним из важнейших, с нашей точки зрения, динамическим звеном, управляющим психической деятельностью, является взаимодействие процессов проекции и рефлексии, подчиняющихся принципу континуума. В соответствии с принципом континуума динамику процессов следует рассматривать как непрерывную совокупность, единство и связь психической активности на различных уровнях и в разных сферах (сознании и бессознательном, взаимодействии первичных и вторичных процессов, соотношении принципов удовольствия и реальности, потребностей, выражающихся в стремлении к достижениям и избеганию диссонансных переживаний, формах адаптивной (защитной-компенсаторной) активности и т.д.). Поэтому *проекция и рефлексия* – это единый механизм, позволяющий совершать переход одного психического состояния в другое, где одно состояние является условием усиления или ослабления функциональной активности другого.

Проекция – один из универсальных механизмов, лежащих в основе деятельности сознания и бессознательного. Если говорить кратко, *проекция* – это способность личности переносить

силь (приписывать, выносить за пределы индивидуального сознания) некое психическое содержание, позволяющее ей структурировать внешний и свой внутренний мир. С помощью проекции в сознании индивида осуществляется структурирование и дифференциация элементов внешней среды и его внутреннего мира, устанавливаются новые связи и отношения между объектами (людьми, явлениями, ситуациями, фактами и пр.), меняется их значимость и ценностное соотношение. Психическое содержание, подвергнутое проекции, содержит материал, основанный на актуальных потребностях личности и неосознаваемых, находящихся в латентном состоянии, продуктах индивидуального бессознательного: вытесненных комплексах и архетипических идеях. В зависимости от того, какой из «векторов» проекции в процессе бредаобразования является доминирующим, можно выделить экстра- и интропроективные формы бреда.

Экстрапроективные формы бреда характеризуются искажением процесса структурирования элементов внешней среды, что сопровождается возникновением у больного нарушений восприятия и оценки поведения, намерений, мотивов поступков окружающих людей, искажением смысла ситуаций, идентификацией их с враждебными, мистическими или иными установками и чувствами (например, при бреде отношения, преследования, воздействия, ущерба, ревности и пр.). У больного может возникать патологическое усиление проекции любовных чувств (эротический бред) или проективная актуализация комплекса переживаний, связанных с опасениями супружеской неверности (бред ревности).

Интропроективные формы бреда основаны на патологических структурных преобразованиях внутреннего мира больного и идентификации с какими-то позитивными аспектами «Я», архетипической фигурой «героя» (бредовые идеи величия, могущества, богатства, реформаторства), либо с негативными сторонами собственной личности и архетипическими идеями «тени» (депрессивные бредовые идеи самоуничтожения или греховности). К интропроективным формам бреда относятся ипохондрический бред, бред Котара, в основе которых лежит проекция комплекса базовых опасений личности за свое телесное здоровье и представлений о возможно возникших в теле процессах соматической деструкции. Таким образом, бред как система, является психопатологической структурой, воз-

никающей на основе нарушений векторной организации процессов чувственного и когнитивного познания, а также лежащих в их основе комплексов или архетипов личности больного.

Рефлексия, базовая составляющая континуума, наряду с проекцией активно участвующая в процессах структуризации действительности, – универсальный механизм, позволяющий в сознании субъекта фиксировать процессы внутреннего, внешнего и трансцендентного миров в таких формах психической активности, как мысли, образы, чувства, мотивы, сенсорные комплексы и пр. Большинство исследователей рассматривают рефлекссию как информационный канал, связывающий сознание и внутренний мир личности. Такую рефлекссию по форме доминирующего вектора можно назвать *интропрорефлексией*. Однако рефлексия проявляется также в способности личности фиксировать в сознании психические процессы, мысли, переживания других людей, причины поступков, отражать их отношение к себе и к другим. Этот механизм фиксации информации в сознании логично назвать *экстрапрорефлексией*. Рефлексия выполняет ряд важных функций: стимулирует активность процессов самосознания и самопознания; благоприятствует процессам аутокоммуникации и внутреннего диалога; участвует в формировании «Я» и накоплении опыта; дает возможность личности произвольно управлять функциями саморегуляции и самоконтроля. Именно благодаря рефлексии человек способен сопоставлять, сравнивать факты, явления, детали, замечать противоречия или несоответствия в сферах ощущений, чувств, мыслей, комплексов «Я», телесных процессов, фиксировать внимание на своих или чужих логических ошибках, которые могут служить материалом для формирующихся сомнений. Активность, векторные и динамические свойства рефлексии определяют качественные и количественные характеристики сомнений.

Устойчивое, свойственное данной личности, или ситуационно меняющееся соотношение векторов проекции и рефлексии влияют на процессы структуризации действительности и определяют специфическую окраску представлений индивида о картинах внешнего и внутреннего мира. В норме незначительное или умеренное усиление процесса проекции приводит к тенденциозности суждений, категоричности, формированию не объективных отношений, легко возникающей потребности в стигматизации – наклеиванию унижающих ярлыков, дис-

криминации отдельных качеств и свойств человека, либо личности в целом. Несправедливость и неадекватность оценок в дальнейшем может корректироваться благодаря «включению» механизма рефлексии, функция которого заключается в выявлении несоответствий и противоречий при сопоставлении поведения с требованиями норм, долга, стандартов и идеалов, интериоризированных личностью. Появляются такие нравственные переживания, как стыд, вина, раскаяние, досада, угрызания совести, сомнение в целесообразности своих действий и поступков. В связи с этим на фоне диссонансных переживаний по закону обратной связи индивид стремится изменить свое поведение, взгляды, убеждения в соответствии с требованиями реальности и достоверной информацией об объекте (человеке, событии, явлении, пр.).

Бредовые состояния включают в себя материал глубинных слоев бессознательного, представленных концептами архетипов и личностных комплексов, которые становятся актуальными для пациента в результате резкого всплеска или устойчивой активности процессов проекции (гиперпроекции), утраты способности к контролю и самоконтролю, в основе чего лежат грубые искажения силы и векторных характеристик механизма рефлексии. Фактически мы имеем дело с *арефлексией* и *парарефлексией*, когда способность личности к контролю и самоконтролю и, следовательно, критике и самокритике исчезает либо полностью, либо проявляется искаженно. Фиксируясь только на материале бессознательного, пациент в зависимости от степени дезорганизации мышления паралогическим путем пытается доказать существование картины той действительности, в объективность которой он верит.

И, наконец, ключевая проблема, которая более подробно будет рассмотрена в следующей публикации. Это вопрос патологической или деструктивной веры, который в психиатрии до последнего времени практически не рассматривался.

Выводы

Предложенная нами концептуальная модель бредовых состояний и причинных факторов их образования основывается на комплексном подходе с использованием отдельных положений известных психологических теорий, позволив-

Вера, универсальный инструмент поиска, признания и принятия ценностных объектов окружающего и внутреннего мира человека, уже давно не рассматривается только в религиозном контексте. Наряду с мышлением, воображением и другими высшими психическими функциями, вера является вездесущим процессом, присутствующим на всех уровнях выбора и принятия решений, будь то выбор целей и средств их достижения, признание целесообразности выбранного пути, оценки значимости и смысла объекта цели и пр. Вера предрасполагает человека к признанию объекта, который может иметь материальную, идеальную (концепции, убеждения, взгляды, позиции) или символическую основу, – достоверным, реальным и очевидным, даже если это не так. Её содержательные характеристики, продуктивное, непродуктивное или деструктивное действие на состояние, поведение и даже судьбу индивида зависят от личности – главного организатора и регулятора текущей и будущей жизни [16; 17; 118].

Анализ изученной литературы и проведенные исследования позволяют сделать следующие широкие обобщения. Вера, механизмы которой неразрывно связаны с процессами, состояниями и качествами, подчиняющимися принципу удовольствия, и критическое мышление, детерминированное, наряду с другими психическими функциями, принципом реальности – это универсальный, интегрированный инструмент реализации метапотребности личности в поиске и признании значимости и смысла ценностей окружающего мира. Доминирование веры блокирует деятельность критического мышления, а активно функционирующее рациональное мышление продуцируют комплексы сомнений, являющихся «занозами» для концептов веры, что приводит либо к отказу от признания прежней картины действительности, либо к ее коррекции. Таким образом, вера, мышление, особенности структуры, статики и динамики личности – единое целое, от соотношений качественных и количественных характеристик которых зависит психическое здоровье [19; 20].

ших рассматривать те вопросы, которые их авторами и последователями никогда прямо не затрагивались и не обсуждались. Главное, о чем следует помнить в соответствии с контекстом нашей публикации, — это слова, сказанные Гёте: «Человек должен верить, что непонятное можно понять».

Из клинической практики известно, что бредовые состояния чаще не являются хроническими расстройствами. В большинстве случаев это зависит от многих клинических условий. Бредовые расстройства, благодаря адекватно подобранным дозам нейролептических, других групп психотропных препаратов, а также средств, улучшающих соматический фон больного, редуцируются и состояние восстанавливается, появляются критика и самокритика. Больной начинает верить, что процесс выздоровления наступил, усиливается *доверие к объектам, ранее входящих в бредовое поле*, возникает надежда на то, что бредовые переживания не повторятся. Деструктивная форма веры постепенно трансформируется в рациональную и продуктивную, повышая адаптивные возможности личности больного. Традиционно эффективность нейролептиков и других психотропных препаратов объясняется их биологическим действием, способностью блокировать или стимулировать активность рецепторов тех или иных медиаторных систем. Если рассматривать эти процессы с психологических позиций, то в спектре клинических эффектов нейролептиков можно выделить общие и избирательные варианты *антипроективного (или проекциолитиче-*

ского) действия. Дальнейшие исследования этих вопросов могли бы выяснить, как нейролептики наряду с транквилизаторами, обладающими *рефлексиопротекторными свойствами*, влияют на характеристики проективно – рефлексивного континуума, существует ли тропность отдельных из них к бредовым концептным ансамблям определенного архетипического содержания? Все эти и другие гипотезы, вспоминая напутствие Гёте, можно принять и проверить.

Бредовые состояния – не просто знакомые специалистам психические расстройства, область клинической психиатрии. Их, и другие формы психических нарушений, следует рассматривать как модели психической деятельности, развивающиеся в патологических условиях. В связи с этим целесообразным является использование принципа изучения каких-то важных аспектов психической деятельности в норме на основе патологических моделей и возможности «препарирования» отдельных системных нарушений для выяснения их роли в нормальном функционировании. Другими словами, изучение патологии может стать ключом для более глубоких исследований и понимания нормы.

Обсуждение перспектив

Дальнейшее изучение бредовых расстройств, важным патогенетическим звеном которых наряду с вышеуказанными элементами системы является патология веры, позволит определить

границы и формы её взаимодействия с мышлением и уточнить механизмы рационального управления процессами, основанными на принципе континуума, для достижения терапевтических целей и задач психологической коррекции.

References (список литературы)

1. Ribalskiy MI. Bred [The Delusion]. M.: Medicina Publ, 1993, 368 p.
2. Kustov AV, Aliksieieva YuA. Mislennya: psikhologichni, psikhopatologichni ta psikhoterapevtichni aspekti [Thinking: psychological, psychopathological and psychotherapeutic aspects]. Sumy: SumDU Publ, 2010, 320 p.
3. Kustov AV, Aliksieieva Yu A. Ekspressivnoe povedenie v norme i patologii [Expressive behavior in norm and pathology]. Saarbrucken: LAP Lambert Academic Publishing, 2015, 288 p.
4. Kustova YuA. Psikhologichniy analiz vivchennya problemi rozvitku moral'noï svidomosti i samosvidomosti osobistosti [Psychological analysis of the study of the development of moral consciousness and self-consciousness of the individual]. Kyiv: NPU im. M. P. Dragomanova Publ, 2002; (18): 163–168.
5. Faustov AA. Arkhetip. Poehtika: slovarj aktual'nykh terminov i ponyatij [The archetype. Poetics: a dictionary of current terms and concepts] M.: Izdatelstvo Kulaginoyj Intrada, 2008, P. 24.
6. Yung K. Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]. M.: Renessans Publ, 1991, 304 p.
7. Yung K. Chelovek i ego simvoli [A man and his Symbols]. SPb.: B.S.K. Publ, 1996, 452 p.
8. Yung K. Dusha i mif: shestj arkhetipov [Soul and myth: six archetypes] – Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainih dlya yunoshestva, 1996, 384 p.

9. Yung EG. Psikhologiya besoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. M.: Kogito – Centr, 2010, 352 p.
10. Yung KG. Problemih dushi nashego vremeni [The problem of the soul of our time] Piter, 2017, 336 p.
11. Khillman Dzh. Arkhetipicheskaya psikhologiya [Archetypal psychology]. SPb.: B.S.K. Publ, 1996, 157 p.
12. Vertgeymer M. Produktivnoe mihslenie [Productive thinking]. M.: Progress Publ, 1987, 258 p.
13. Dunker K. Kachestvennoe (ehksperimental'noe i teoreticheskoe) issledovanie produktivnogo mihsleniya [Qualitative (experimental and theoretical) study of productive thinking]. Psikhologiya mihsleniya. M., 1965: 21–85.
14. Dunker K. Psikhologiya produktivnogo (tvorcheskogo) mihsleniya [Psychology of productive (creative) thinking]. Psikhologiya mihsleniya. M., 1965: 86–234.
15. Wertheimer M. Die Abhandlungen zur Gestalttheorie [The treatises on Gestalt theory]. Philosophische Akademie, 1925, 342 p.
16. Alieksieieva YuA. Psychological aspects of systematization of forms and kinds of faith. GISAP: Psychological Sciences. L.: IASHE, 2016; (8): 24-27.
17. Alieksieieva YuA. Test doslidlzhennyya form viri [The study of forms of faith]. K.: NPU im. M.P. Dragomanova Publ, 2015; 42 p.
18. Alieksieieva YuA. Vzaiemozv'yazok viri i tcinnostey v prostori osobistosti [Interrelation of faith and values in the space of personality]. K.: NPU im. M.P. Dragomanova Publ, 2017; (6): 5 -17.
19. Alieksieieva YuA. Klasifikaciya form i vidiv viri osobistosti [Classification of forms and types of the faith of individual]. Kamyane-Podil'skiy: Aksioma Publ, 2015; (28): 21–35.
20. Alieksieieva YuA. Vira yak forma stavlennyya lyudini do dukhovnikh cinnostey na tli eskhatologichnikh perezhivanj [Faith as a form of a person's relationship to the spiritual values against the background of eschatological experiences]. K.: «PP Lisenko M.M.» Publ, 2013; 3 (9): 110–123.

(received 07.06.2018, published online 30.09.2018)

(одержано 07.06.2018, опубликовано 30.09.2018)